

УТВЕРЖДАЮ
проректор по научной работе
Санкт-Петербургского
государственного университета

Микушев С.В.

Микушев 2020 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации Санкт-Петербургского государственного университета на диссертацию Дмитрия Фаруковича Тестова «Понятие паттерна в антропологии Грегори Бейтсона. Философские аспекты», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры.

Содержание диссертационного исследования Дмитрия Фаруковича Тестова «Понятие паттерна в антропологии Грегори Бейтсона. Философские аспекты» строго отражает название работы. Паттерн, одно из центральных, смыслообразующих понятий в антропологической концепции Грегори Бейтсона, им самим никогда не было тематизировано с тщательной научной точностью. Более того, он настаивал на признании необходимости показывать, каким образом паттерн работает и проявляется в качестве эвристического и эпистемологического основания культуры или ее производных, предпочитая такой путь строгим дефинициям и однозначным формулировкам. Поэтому вполне логично возникла потребность в прояснении и уяснении того, каковы принципы и внутренние механизмы этого концепта, и вынесенное на защиту исследование нацелено на заполнение именно этой лакуны в отечественном и мировом гуманитарном знании.

Заметим, что актуальность работы объясняется не только самими по себе ценными штудиями и задачами по осмыслению философского наследия англо-американского антрополога; актуальность проявляется еще и в состоянии разработанности проблемы именно в отечественной традиции.

Насколько нам известно, данная диссертация — это первая в России квалификационная работа, посвященная собственно Грегори Бейтсону (по данным каталогов РНБ и РГБ). Д. Ф. Тестов учитывает некоторые важные для его собственной темы исследования, опубликованные на русском языке, однако можно утверждать, что полноценного, объективно сложившегося взгляда на работы и концептуальный аппарат Г. Бейтсона в русскоязычном научном пространстве до сих пор не сложилось. Разумеется, существует ряд работ, которые раскрывают те или иные аспекты бейтсоновских полевых и теоретических исследований — однако до недавнего времени мы даже не имели однозначной принятой передачи его имени кириллицей (можно было, например, встретить, например, написание «Бэтсон», особенно в переводной литературе). Поэтому мы вполне понимаем и признаем то, что диссертант активно пользуется авторскими наработками, порой имплементируя в тело диссертации собственные уже опубликованные тексты своих статей. Это позволяет говорить о постепенно развивавшемся исследовательском замысле, о единстве взглядов автора, тем более подкрепленных апробированными результатами. И хотя формально это несколько понижает показать оригинальности самой диссертационной работы, содержательных замечаний здесь, с нашей точки зрения, предъявлять не следует.

Текст выстроен логично, последовательно раскрывая различные аспекты, обуславливающие понятие паттерна в работах Г. Бейтсона. Диссертация состоит из введения, трех глав, каждая из которых разбита также на параграфы, заключения и списка литературы. Помимо этого работа снабжена иллюстрациями, которые позволяют с большей наглядностью проследить аргументацию автора и погрузить читателя в обсуждаемый в тексте круг проблем. Рассмотрим кратко содержание диссертации.

Уже в введении Д. Ф. Тестов указывает на ту логику, которой он руководствуется в проведении исследования понятия паттерна: «Мы выделяем в текстах и визуальных документах Бейтсона те приёмы, которые отличают его трактовку “паттерна” от трактовки других антропологов, и задаём их в качестве своего рода тотализирующих схем, на которые можно опереться при анализе роли “паттерна” в антропологическом наблюдении. К этим приёмам мы относим прежде всего то, что Бейтсон называет принципом “двойного описания”, образ разделительной черты и заявленную им синонимию между “паттерном” и понятием избыточности из теории информации» (с. 12). В Первой главе автор сосредоточивается на описании и анализе контекста, в котором был сформирован бейтсоновский концепт паттерна, на его связи с личной историей Бейтсона и истоками его поисков в различных сферах знания, таких как ботаника, сравнительная анатомия,

гештальтпсихология, социальная антропология, теория информации и кибернетика. Отметим также, что здесь большое внимание уделяется тем авторам (философам, антропологам и представителям естественных наук), идеи которых оказали влияние на становление концепции Бейтсона (О. Шпенглера, Р. Бенедикт, М. Мид и Р. Форчуна, Гёте, д'Арси Томпсона и др.) и обусловили переход от функционального анализа культуры, представленного в сочинениях Б. Малиновского, к морфологическому (на примере работ Г. Бейтсона, Р. Бенедикт и К. Леви-Стросса). Кроме того, в этой главе обсуждается синонимия принципа избыточности и понятия паттерна.

Вторая глава дополнительно разбита на две части, первая (2.1) из которых посвящена реконструкции стратегии наблюдения Бейтсона и интерпретации того, какую роль понятие паттерна играет в ее структуре, а вторая (2.2) — анализу документального фильма Бейтсона и его сотрудницы и тогдашней супруги Маргарет Мид о балийской мистрии и ее связи с более поздними бейтсоновскими исследованиями в области психиатрии. Глава построена таким образом, что, отталкиваясь от описания уникальности подхода к антропологическому исследованию как междисциплинарному (в частности, от отличия трактовки разума в подходах самого Г. Бейтсона и К. Леви-Стросса), автор постепенно переходит к осмыслению концепта черты, столь важного для осмыслению понятия паттерна, попутно уделяя внимание стратегии «двойного наблюдения», которая сочетает в себе бихевиоризм и эмпатию. Анализ теоретических конструкций Д. Ф. Тестов подкрепляет описанием и анализом существенного этнографического материала — батуанской живописи и фильма «Транс и танец на Бали». Интерпретация этнографического материала органично сочетается с осмыслением психиатрических исследований Г. Бейтсона в клинике Пало-Альто, причем диссертант указывает на проблематичный характер автономности психиатрических исследований Бейтсона от его антропологии и контекста культуры Бали.

В Третьей главе автор предлагает собственную реконструкцию теории сакрального в работах Г. Бейтсона, а также обсуждает природу патологических паттернов. Здесь мы встречаем критику интерпретации сакрального у Г. Бейтсона в исследованиях отечественных авторов, а также актуализацию концепта разделительной черты, структурирующей модели сакрального. Автор утверждает, что быть сакральным не является свойством, но, скорее, представляет собой отношение, или особый паттерн отношений, который связан с привилегированной функцией детерминации и запретом на обратную связь. Нарушение разделительных линий, ограничивающих

коммуникацию в дискурсе сакрального, с точки зрения автора, ведет к патологии сакрального и изменению природы сакральных идей — это положение анализируется в контексте сопоставления клинического и «трагического» сюжетов на примерах из практики семейного психотерапевта М. Сельвини Палаццоли.

В заключении к диссертации представлены последовательные и аргументированные выводы.

Среди положительных сторон диссертационного исследования нам хотелось бы отметить:

- анализ источников вдохновения Бейтсона и критики подхода Б. Малиновского к описанию культуры как совокупности инструментов сторонниками культуры как квазиорганической системы (помимо Бейтсона это Рут Бенедикт и Клод Леви-Стросс) выполнен с высокой степенью достоверности;

- замечательно, на наш взгляд, проинтерпретировано понятие избыточности как характерное свойство Креатуры в сравнении ее с Плеромой (с. 66), а также экономии и избыточности как «сущностных характеристик» паттерна (с. 68);

- весьма убедительно говорится о проектах Бейтсона как о междисциплинарных. При этом междисциплинарность его исследований на самом деле является существенным признаком единства его мысли, стремлением уловить сущностное единообразие самых различных по видимости явлений и вещей — как созданных природой, так и произведенных руками человека. Помимо этого диссертант убедительно прослеживает общий мотив философских, антропологических и культурологических исканий Бейтсона как особой «стратегической игры эпистемологических установок» (с. 77);

- показательно также и то, что Д. Ф. Тестов предлагает конструктивную критику современных исследователей взглядов Г. Бейтсона — И.-Б. Краусс и Т. Ингольда, а также А. Пигалева. Это отражает знакомство с современными антропологами и вписывает исследование автора в контекст актуальных споров и дискуссий. Замечательно и то, что он обоснованно предлагает собственные объяснительные модели (как, например, аналогия с параллаксом при описании фигуры ведьмы — п. 2.2.5), что свидетельствует о зрелости исследовательской мысли и взвешенности его позиции;

- также вполне обоснованным представляется положение о взаимной избыточности художественного произведения и культуры в целом. Замечательно, что автор для доказательства и прояснения этого тезиса вслед за Бейтсоном обращается не только к логическим, но и к антропологическим

(а именно: к батунской живописи) аргументам. По итогам этого исследования он приходит к заключению, что структура логических типов, которая связывает различные проявления разума, находит свое отражение именно в коммуникации.

Однако помимо указанных положительных сторон диссертационного исследования, нам хотелось бы перечислить и замечания, которые возникли в ходе прочтения текста.

Во-первых, нераскрытым остался тезис о роли отца в развитии идей Г. Бейтсона и о тех работах, которые сподвигли Г. Бейтсона на уточнение своей позиции (с. 24—26); в тексте диссертации они не указываются и не обсуждаются.

Во-вторых, за пределами внимания в работе остался присущие Бейтсону симпатии к платонизму в эпистемологии. Он сам в этом признавался, говоря, например, о «платоновском тезисе» книги «Разум и природа». Диссертант заявляет эту проблематику лишь косвенно, вводя и описывая бинарную оппозицию «мистик—прагматик» (с. 99—101). Вместе с тем известно, какое фундаментальное значение Бейтсон придавал этому платоновскому аспекту эпистемологии — например, он полагал, что «мышление посредством историй» присуще любому разумному существу (или же разуму, какой бы облик и вид он не принял).

В-третьих, слишком сильным представляется утверждение о том, что автор доказал «преемственность между понятием метаморфоза Гёте и операциями преобразования в методологических приёмах леви-строссовского структурного анализа и бейтсоновской абдукции паттернов» (с. 72). Это же положение повторено в первом выводе заключения диссертации (с. 189). Однако фактически автор не ссылается ни на один из текстов, рассматривавших эту проблему — между тем как он вовсе не первый, кто обсуждает ее. Действительно, в тексте в сноске 59 на с. 36 упоминается книга Э. Вивейруша де Кастру «Каннибальские метафизики», в которой сам бразильский антрополог ссылается на написанное Леви-Строссом и Д. Эрибоном в соавторстве сочинение «De près et de loin» (1988); однако еще в 1971 г. вышло интервью Леви-Стросса в издании «L'Express», где он сам говорил об этой преемственности. Гёте как один из источников вдохновения (наряду с романтизмом) структуралистской традиции был обстоятельно проанализирован Марком Шнайдером в статье: “Goethe and the Structuralist Tradition”, in: *Studies in Romanticism*, Vol. 18, No. 3, *Structuralism and Romanticism* (Fall, 1979), pp. 453-478. Подробное рассмотрение влияния, которое произвела публикация «Метаморфоз растений» Гёте на самых разных деятелей науки и искусства вплоть до XX века, приводится,

например, в статье: Smith, J. Z. "Acknowledgments: Morphology and History in Mircea Eliade's "Patterns in Comparative Religion" (1949-1999), Part 1: The Work and Its Contexts", in: *History of Religions*, Vol. 39, No. 4 (May, 2000), pp. 315-331. Pp. 319—321. Таким образом, автор обошел вниманием определенный пласт историографической и историко-научной литературы, которая непосредственно касается обсуждения проблемы генезиса и эпистемологической преемственности метода Г. Бейтсона.

В-четвертых, нам представляется несколько избирательной, если не произвольной выборка представленных в параграфе 2.1.1. антропологов XX века, особенно второй его половины. В частности, автор не рассматривает таких важных ученых, для которых полевое исследование и его интерпретация имеет большое эвристическое значение, как Рой Вагнер или Томас Х. Эриксен. Вместе с тем известно, что эти антропологи стремились применить и творчески осмыслить некоторые концептуальные находки Г. Бейтсона (например, «шизогенеза», *schizmogenesis*, или его анализом механизмов контроля, *pidik* — см: Stassinis, E., "The Art of Losing One's Own Culture Isn't Hard to Master, It's Obviation: Roy Wagner, Gregory Bateson, and the Art of Science Writ Large", in: *Social Analysis: The International Journal of Anthropology*, Vol. 46, No. 1 (Spring 2002), pp. 62-68.) и его собственную роль в разработке методологических точек соприкосновения для британской и американской антропологических школ (что, правда, по его собственному признанию не увенчалось успехом). Думается, что такая избирательность может стать препятствием на пути дальнейшей реконструкции и понимания взглядов Бейтсона, поскольку ограничивает исследования только рамками его собственных работ.

Наконец, в-пятых, и в связи с предыдущим пунктом мы предлагаем еще одно замечание: свойственная автору избирательность в представлении критических взглядов на те или иные положения Г. Бейтсона сказывается также на степени достоверности выводов самого автора. Разумеется, всякое исследование проблемы или взглядов того или иного ученого должно основываться на первоисточниках — но при этом необходимо иметь в виду и контекстуальные особенности развития его мыслей и преломления их в работах последователей и современников. В данном случае в введении к диссертации был упомянут целый ряд авторов, которые по большей части в дальнейшем изложении остались без внимания — хотя именно в исследованиях по теории коммуникации или психиатрии суть бейтсоновского раскрытия концепта паттерна как смысла оказалась бы, с нашей точки зрения, эвристически более плодотворной и убедительной. Верно, что Бейтсон был достаточно самобытным ученым, который не

сформировал академической школы в строгом смысле; однако нужно учитывать и анализировать также и те интерпретации его идей, которые были предложены исследователями в иных научных сферах.

Помимо прочего мы хотели бы отметить и некоторую небрежность, даже неряшливость автора в отношении оформления работы и изложения своих идей. В некоторых местах текста автор допускает орфографические ошибки (например, «тсья/тьсья» — с. 166: «Здесь храниться сырая пища...» и т.п.), в том числе и в принятом в отечественной литературе написании имен (типа: «Бодрийар» вместо «Бодрийяр», с. 16; сюда же отнесем написание «д'Арси Томпосна» вместо «д'Арси Томпсона», с. 17 автореферата). Встречаются и пунктуационные ошибки, которые касаются не только формы, но и содержания работы. Например, на с. 105 диссертации читаем: «То есть отношение сообщение/контекст характеризуется избыточностью информации или содержит паттерн», — это предложение, завершающее абзац, логически звучит как вывод; однако отсутствие запятой (которая, по-видимому, там должна стоять) заставляет усомниться в эквивалентности понятий «избыточность информации» и «паттерн», хотя этой мысли посвящен весь абзац, а вводит излишнюю и необоснованную дизъюнкцию «или одно — или другое».

Впрочем, приведенные замечания не отменяют общей положительной оценки работы. Диссертация выполнена на высоком теоретическом уровне, опирается на авторитетные источники и труды современных отечественных и зарубежных авторов, исследовавших различные аспекты творчества и результатов полевых исследований Г. Бейтсона. Без преувеличения можно сказать, что выполненная работа станет новым шагом в отечественной и, возможно, мировой традиции осмысления и интерпретации многогранных и междисциплинарных трудов этого неординарного антрополога. Диссертация Д. Ф. Тестова является самостоятельной научной работой, решающей актуальные проблемы в проблемном поле философской антропологии; автором сформулированы обоснованные выводы, имеющие важное значение для понимания и интерпретации одного из центральных концептов в работах Грегори Бейтсона — концепта паттерна. Личный вклад соискателя состоит в том, что он последовательно проанализировал, как этот концепт работает во взаимоотношениях теоретических конструкций Г. Бейтсона и его эмпирического материала; на основе этого анализа диссертантом были получены новые результаты и сформулированы положения, которые могут применяться как в исследовательских, так и учебных целях. Материалы исследования могут лечь в основу дальнейших исследований в областях философской и социальной антропологии, социологии, психологии,

культурологических дисциплин, а также послужить материалом для гуманитарных университетских курсов — как специальных, так и общего профиля.

Автореферат диссертации соответствует основному содержанию работы. Публикации в журналах, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата философских наук, отражают результаты проведенной работы. Диссертация «Понятие паттерна в антропологии Грегори Бейтсона. Философские аспекты» соответствует профилю Совета, а также требованиям пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Правительством РФ 24.09.2013 г. № 842, и её автор Дмитрий Фарукович Тестов заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры.

Отзыв подготовлен к.ф.н., ст. преподавателем кафедры философской антропологии СПбГУ А. А. Львовым.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры философской антропологии СПбГУ 16 марта 2020 г., протокол №3/2020 г.

Заведующий кафедрой
философской антропологии
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»
д.ф.н., профессор

Быстров Владимир Юрьевич

*лично не читал
Быстрова В.Ю
Завкин
Зам. нач. УК
Корешкина М.А.*